

Из изложенного выше вытекает главный вывод: необходимо культивировать через повседневное общение, воспитание и преподавание все возможные логические матрицы мышления. Особенно важно в современных условиях мультикультурализма формирование инклюзивного мышления и логики, которые смогут преодолеть эксклюзивную, раздельную стратегию в организации всей многообразной культуры.

Библиографический список:

1. Магомедов К. М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под ред. В. Э. Манаповой, О. С. Мутиевой. Махачкала : АЛЕФ. 2018. С. 128–132.
2. Магомедов К. М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре // IX международная научно-практическая конференция «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи». 9–10 ноября 2017 г. Махачкала. Махачкала. 2017. С. 114–119.
3. Смирнов А. В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва – Махачкала, апрель 2015 г. М., Махачкала : Дельта-Пресс. 2015. С. 43–54.

Мухутдинов О. М.

ПОНЯТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. АВРЕЛИЙ АВГУСТИН, «ИСПОВЕДЬ», КНИГА X

Аннотация. В докладе предлагается интерпретация феномена первоначального настоящего времени на примере десятой книги «Исповеди» Аврелия Августина. Идея первоначального настоящего времени рассматривается с точки зрения экстатического временного единства, лежащего в основании обыденного представления о времени. Экспликация феномена первоначального настоящего времени становится возможной в процессе перехода от обыденного понятия времени к содержательному осмыслению идеи благой жизни.

Ключевые слова: Аврелий Августин, настоящее время, память, благая жизнь.

В предлагаемом рассуждении будет предпринята попытка обратиться к исследованию феномена настоящего времени в десятой книге «Исповеди» Аврелия Августина. Методом исследования является феноменологический метод выявления являющегося. Гуссерль, основоположник феноменологического движения, первоначально рассматривает феноменологию в качестве метода анализа актов, лежащих в основании возникновения смысла и значения логических выражений. В дальнейшем Гуссерль интерпретирует феноменологию как метод исследования «чистого сознания», что определяет его переход на позиции «феноменологической психологии». Хайдеггер, ученик Гуссерля, в ранних лекциях радикально переосмысливает идею феноменологического исследования в качестве условия возможности описания исторического мира фактической жизни. Одним из показательных результатов продуктивного применения метода феноменологической аналитики к исследованию исторического мира становятся прочитанные Хайдеггером в 1921–1922 гг. лекции по феноменологии религиозной жизни. Темой этих лекций являлась феноменологическая реконструкция мира исторической жизни ранних христиан на примере тщательного герменевтического анализа текстов посланий апостола Павла и десятой книги «Исповеди» Аврелия Августина.

Под настоящим временем в нашей статье понимается первоначальное действительное время и используется здесь определение «настоящее» в том же смысле, в каком это слово используется в выражениях «настоящий Караваджо», «настоящее золото» и т.д. Первоначальное настоящее время в этом значении отличается от того настоящего времени, которое понимается как настоящее «теперь» или «сейчас». «Теперь» есть настоящее, в отношении к которому прошедшее время понимается как «уже-не-теперь», а будущее – как «еще-не-теперь». Настоящее «теперь» не обладает внутренней устойчивостью, а потому не пребывает. Понимание настоящего времени, ориентированное на опыт «теперь» или «сейчас», называется обыденным или «вульгарным». Первоначальное настоящее время представляет собой экстатическое временное единство (*die sich zeitigende Zeitlichkeit der Zeit*), являющееся условием возможности существования будущего, понимаемого как «теперь» настоящего и прошедшего времени. Все три указанных момента времени являются производными модусами первоначального настоящего времени.

Августин в «Исповеди» не дает развернутого описания феномена первоначального настоящего времени, настоящее время не является темой его рассуждения. Тем не менее, обсуждение проблемы времени в одиннадцатой книге «Исповеди» становится возможным исключительно в силу того, что в предшествующей десятой книге эта тема присутствует в качестве неявной предпосылки. Задача выявления первоначального настоящего времени является темой феноменологической аналитики.

Для предварительной экспликации феномена настоящего времени в рамках данного доклада мы намереваемся обсудить три основных вопроса: вопрос об экзистенциальной ситуации, в которой происходит исповедь Августина, вопрос о памяти и вопрос о благой жизни.

1. Экзистенциальная ситуация.

В десятой книге «Исповеди» Августин переходит от повествования о своей прежней жизни к размышлению о том, каким он является «сейчас». Это размышление осуществляется из определенного опыта существования в мире. Исповедь, с одной стороны, обращена к тем, кого Августин называет верующими сынами человеческими: «они мои сограждане и спутники в земном странствии, все равно, предшествовали они мне, последуют ли за мною или сопровождают меня в моей жизни» [1, с. 131]. Опыт совместной жизни с другими людьми описывается из привычной временной структуры исторической жизни, включающей в себя представление о прошлом, настоящем и будущем. С другой стороны и прежде всего исповедь Августина обращена к Богу. Такое обращение требует безусловной открытости человека перед Богом. Экзистенциальный характер ситуации определяется вопросом «quid amo, cum te amo?» («Что же, любя тебя, люблю я?») [1, с. 132].

Экзистенциально-онтическое переживание времени устанавливает возможные горизонты, в которых осуществляется поиск ответа на вопрос «quid amo, cum te amo?». В горизонте связанного со структурами созерцания и восприятия настоящего времени «теперь» Августин обращается с этим вопросом к земле, морю, безднам, обитающим в безднах пресмыкающимся, к веющим ветрам и всему воздушному пространству с его обитателями, к небу, солнцу, луне и звездам – к вселенной, ко «всему, что обступает двери плоти моей» [1, с. 132]. Открывающаяся в чувственном представлении красота мира предстает в этом поиске как красота божественного творения.

Экзистенциальный опыт самоопределения существования человека в мире разворачивается в форме противопоставления внутреннего и внешнего человека: «Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня» [1, с. 132]. В существовании человека в сотворенном Богом мире определяющим моментом является присутствие Бога в душе человека. Ибо Бог есть «жизнь жизни» [1, с. 133] («Deus autem tuus etiam tibi vitae vita est»).

Так возникает представление об экзистенциально-герменевтической структуре опыта переживания мира исторической жизни ранних христиан. Три элемента этой структуры составляют пребывание человека в мире, пребывание мира в Боге, пребывание Бога в душе человека. Ни в одном случае это пребывание не следует понимать в пространственном смысле. Ключевым фактором интерпретации этой структуры является аналитика феномена трансценденции (*die Inständigkeit des Daseins*).

2. Память (memoria).

Память хранит «бесчисленные образы всего, что было воспринято» [1, с. 133], «сведения, полученные при изучении свободных наук» [1, с. 135], «бесчисленные соотношения и законы, касающиеся чисел и пространственных величин» [1, с. 137]. Для экзистенциальной интерпретации феномена исторического мира ранних христиан принципиальной является возможность понимания *memoria* не только как способности припоминания, но прежде всего как способности сознания горизонтов прошедшего и будущего времени. Ибо я помню не только прошедшее, но удерживаю в памяти и предстоящее. Память как способность представления в настоящем (и вместе с ней забвение/забывчивость) ориентирована на мирское существование, а потому не может рассматриваться как основание познания Бога человеком. «Память есть и у животных, и у птиц, иначе они не находили бы своих логовищ, гнезд и многого другого, им привычного; привыкнуть же они могли только благодаря памяти. Я пренебрегу памятью» [1, с. 140].

3. Благой жизнь (vita beata).

Идея первоначального настоящего времени раскрывается у Августина в ходе обсуждения благой жизни. Содержанием благой жизни является «радость, даруемая истиной» [1, с. 144] («Beata quippe vita est gaudium de veritate»). Переживание радости истины является равным образом способом содержательного переживания настоящего времени. «Христианская религиозность живет первоначальным настоящим временем как таковым» («Die christliche Religiosität lebt die Zeitlichkeit als solche») [2, с. 80].

Неявный характер «радости истины» первоначального настоящего времени определяется тем, что речь здесь идет о полностью скрытой от нас «нашей [обладающей] жизненностью жизни» [3, с. 365].

Библиографический список:

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь : Абеляр П. История моих бедствий. М. : Республика. 1992. 335 с.
2. Heidegger M. Phänomenologie des religiösen Lebens / Heidegger M. GA, Bd. 60. Vittorio Klostermann, Frankfurt. M. 1995. 351 p.
3. Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten, 1918–1926 // Hua XI. The Hague, Martinus Nijhoff, 1966. XXIV, 532 p.